Айзек Азимов

АЗАЗЕЛ



Поход на врага
Айзек Азимов

Аннотация
Айзек Азимов
Поход на врага

Аннотация

Бывший сокурсник главного героя цикла, Джорджа — завзятого тунеядца и неудачливого авантюриста — также не блещет особыми достоинствами и ярко выраженными талантами. Однако, при случайной встрече старых приятелей в баре (а где же ещё?), он демонстрирует все признаки завидного преуспевания. Как выясняется, данный субъект занимает должность вице-президента в крупной фирме по вопросам корпоративного… энтузиазма (!). А промышляет он исключительно сочинением вдохновляющих песен, призванных пробудить у многочисленных работников духа гордости и беззаветной преданности как самой корпорации, так и её хозяевам…

Айзек Азимов

Поход на врага

© Перевод К. Плешкова

— Скажите мне, Джордж, вы никогда не думали о том, чтобы найти работу? — спросил я.

Мы только что поужинали и шли под мягкими лучами вечернего солнца вдоль края парка. Вопрос я задал просто так — я и сам знал, что он никогда об этом не думал.

Но Джордж вздрогнул, и тень невыразимого ужаса пронеслась по его лицу, словно он внезапно оказался над ямой с извивающимися змеями.

— Такие вопросы, — глухо сказал он, — не задают человеку, который мирно переваривает один из своих не столь уж восхитительных ужинов.

— Почему бы и нет? — Меня в достаточной степени обидело его описание обильного угощения за мой счет, чтобы продолжить тему. — Бесчисленные миллионы людей зарабатывают себе на жизнь.

— Да, — сказал Джордж, — Именно так. Так они и делают. Но я считаю, что у меня есть право не принадлежать к их числу, — Он вздохнул столь глубоко, что, казалось, вздох исходил из самых

недр его души. — Я никогда вам не рассказывал историю про Скверенслоу Писстрипа Каллодена?

— Нет, Джордж, не рассказывали, и я вам за это крайне благодарен. Спасибо.

Джордж уселся на парковую скамейку, которую только что освободил некий нью-йоркский джентльмен, явно исповедовавший философию хиппи.

— Сейчас я расскажу вам историю про Скверенслоу Писстрипа Каллодена.

Я сделал отчаянную попытку увернуться.

— Каллоден, — сказал я, — интересное имя. Во время битвы при Каллодене в тысяча семьсот сорок пятом году…

Скверенслоу Писстрип Каллоден, начал свой рассказ Джордж, был моим сокурсником по университету. Он ничем особенным не выделялся, и ни от одного из его имен не получалось легко образовать сокращенный вариант. Не могли же мы называть его Сквером, Писсом, или Трипом, или Калом, или Лоденом, и в конце концов…

Ну да, конечно, ты верно упомянул, вполне можно было называть его Слоу, но нам как-то не пришло это в голову. Впрочем, и хорошо, поскольку у меня нашлось решение получше. Я звал его Сквернословом, что сразу же приняли все осталь-

ные, в качестве вполне разумного варианта его первого имени.

Похоже, это вызвало у него определенный прилив благодарности. По крайней мере, в свой адрес я от него слышал немало скверных слов.

В итоге возникла известная тебе дружба, и все годы в университете мы оставались близки. А после выпуска мы поклялись, что останемся друзьями при любых обстоятельствах и всенепременно встретимся на годовщине нашего выпуска, он и я, и выпьем за нашу старую дружбу.

Что значит — встречались ли? Всенепременно. Я всенепременно пропускал каждую встречу. И я полагаю, он тоже. Ах, студенческие деньки!

Так что можешь представить мое удивление, когда однажды, лет пятнадцать спустя после выпуска, я встретился со стариком Сквернословом в баре, куда я в те дни обычно захаживал. Встреча оказалась для меня весьма благотворной, ибо я был занят решением замысловатой финансовой проблемы, заключавшейся в том, что мне отказывались продлить кредит еще на одну выпивку, когда на плечо мне легла чья-то рука и чей-то голос произнес мне в ухо: «За мой счет, старик».

И это был Сквернослов.

Ничто не могло порадовать меня больше, неже-

ли его милостивое предложение, и мы сразу же погрузились в воспоминания — несчастье и кошмар всех встреч бывших сокурсников. Он перечислял имена и события, которые я предпочитал не вспоминать, и я заботливо делал то же самое для него. И все это время я пристально за ним наблюдал.

Сквернослов не подавал в университете особых надежд и вряд ли мог рассчитывать на успех, если только не встретил бы женщину достаточно неопределенного возраста и внешности и с достаточно определенным состоянием. Однако несколько небрежно заданных вопросов убедили меня в том, что в этих достойных похвалы поисках он оказался столь же неудачлив, как и я.

И все же по его виду чувствовалось, что он человек преуспевающий. То, что он заплатил за несколько порций выпивки, ничего не означало — у каждого может найтись в кармане немного денег. В нем скорее ощущалась некая уверенность в себе, основанная не только на наличии денег в данный момент. Он словно излучал нечто вроде ауры, присущей тому, кто имеет дополнительный источник средств, к которому может обратиться, когда пожелает.

В это трудно было поверить, но я чувствовал,

что я прав.

— Сквернослов, — спросил я с благоговейным ужасом в голосе, — неужели у тебя есть работа?

Он слегка покраснел, но Сквернослов был из тех, кто не станет лгать без серьезной на то причины или, во всяком случае, без честной причины.

— Да, Джордж, — ответил он. — У меня есть работа.

Он покраснел еще больше.

— Собственно, Джордж, я вице-президент.

Я недоверчиво уставился на него.

— Вице-президент чего?

— Я вице-президент по вопросам корпоративного энтузиазма в «Х & М».

— А что такое «Х & М»?

Сквернослов объяснил, и я все так же не мог ему поверить.

— Ты хочешь сказать, что «Х & М» означает «Хлам и Мусор»?

— Вовсе нет, — раздраженно ответил Сквернослов, — Ты совершенно не чувствуешь произношение, Джордж. Неспроста тебя называли Жестяное Ухо. Фирма была основана Моррисом Ю. Хламмом и Чарльзом Ф. Муссором. Хламм родом из старинного английского рода, и его фамилия происходит от древнего тевтонского

слова, относящегося к области ораторского искусства. Муссор по происхождению голландец, и его фамилия на одном из региональных диалектов означает разновидность удобрений. Однако по некоторым причинам фирма считает, что «Хламм и Муссор» может быть неверно понято, и обычно используется название «X & M».

— Весьма разумно, — сказал я. — И каким же бизнесом занимается «X & M»?

— Вот тут, Джордж, — сказал Сквернослов, — ничем не могу тебе помочь. Я просто не знаю. Это не мой отдел. Меня интересует только корпоративный энтузиазм. — Он заказал еще по порции выпивки каждому из нас, что было весьма мило с его стороны, и продолжал: — Позволь мне объяснить тебе, Джордж, что такое «корпоративный энтузиазм», поскольку, пребывая в счастливом статусе безработного, вряд ли ты осознаешь всю сложность современного бизнеса.

— И в самом деле не осознаю, — сказал я, подавляя легкую дрожь.

— Худшая проблема, с которой в наши дни сталкиваются корпорации, — это нелояльность работников. Может показаться, что средний работник должен стремиться к тому, чтобы фирма, на которую он трудится, преуспевала, — но это

не так. Средний работник, — тут Сквернослов начал загибать пальцы, — требует регулярного повышения зарплаты, безопасности труда, медицинской страховки, длинного оплачиваемого отпуска и прочего, что может угрожать заслуженно заработанным прибылям Хламма и Муссора.

Когда же вышеупомянутым работникам объясняют, что все эти требования серьезно урежут большое годовое жалованье, выплачиваемое Хламму, Муссору и нескольким их родственникам, что частные поля для гольфа и яхты слишком дорого содержать и их невозможно поддерживать в надлежащем состоянии, если впустую тратить деньги на работников, возникает неприятная атмосфера недовольства, и это глубоко печалит Хламма и Муссора.

Поэтому они решили воспитывать в «Х & М» дух гордости, восхитительное чувство того, что ты работаешь на великую корпорацию и можешь отбросить низменные мысли о жалованье. В конце концов, помнишь нашу футбольную команду в университете?

— Очень даже хорошо помню, — ответил я.

— И наверняка ты помнишь, как мы ею гордились. Никому не приходилось нам за это платить. Мы могли бы презирать деньги — если бы это

не было уже чересчур. Помнишь тот раз, когда команда действительно выиграла матч?

— Ода.

— Именно такой дух и требуется в «X & M». Кто-то в фирме случайно узнал, что я пишу вдохновляющие песни для церковных служб и барбекю на открытом воздухе, и они обратились ко мне, чтобы я создал необходимый корпоративный энтузиазм.

— И ты написал для фирмы несколько песен.

— Да, кое-что. Пока что моя лучшая — вот этот вдохновенный марш:

Вперед, «X & M», в поход на врага!
Вперед, «X & M», под знаменем лилии!
Стыд и позор размышлять о деньгах,
Все свои «X & M» отдавая усилия!

— Гм, — сказал я. — Весьма впечатляет. Но почему под знаменем лилии? У вас на знамени лилия?

— Слова не имеют значения, — ответил Сквернослов. — Важен дух. Кроме того, у нас будет лилия на знамени. В данный момент я разрабатываю флаг корпорации, на котором будет изображена лилия. Как я понимаю, французы больше не используют подобный дизайн, и было

бы глупо, чтобы он пропадал впустую.

— Но что насчет того, что стыдно думать о деньгах, отдавая все силы «Х & М»? Разве это честно?

— Совершенно честно. Хламм и Муссор нуждаются в деньгах куда в большей степени, чем ничего не значащий народ, который на них работает. Ты никогда не видел их особняки. Одно их отопление стоит целое состояние.

— Да, но разве работники считают это честным?

Сквернослов с досадой посмотрел на меня.

— Тут ты попал в больное место, Джордж. Работники не считают это честным. Я проводил семинары на эту тему, включая слайды с изображением домовладений Хламма и Муссора и домашние видеозаписи, запечатлевшие их очаровательных детей, но мне никак не удается хоть в какой-то мере пробудить корпоративный энтузиазм. Собственно говоря, как Хламм, так и Мус-сор уже сказали мне, что, если я не представлю им результат в течение двух недель, меня уволят.

Как ты прекрасно понимаешь, старик, это меня обеспокоило. Сквернослов был не только моим старым университетским приятелем, но он только что купил мне несколько порций выпивки и даже словом не обмолвился насчет возмещения

расходов. И мне показалось логичным попытаться отплатить ему добром при помощи Азазела.

Азазел, как обычно, яростно протестовал, стоило мне вытащить его из пространственного туннеля, или что там связывает его мир с нашим.

Поскольку он был красным изначально, он не мог побагроветь от ярости, но его двухсантиметровое тело судорожно дергалось, а длинный остроконечный хвост ходил туда-сюда. Даже маленькие выпуклости его рожек, казалось, слегка набухли.

— Что на этот раз? — спросил он. — Прошло всего два месяца с тех пор, как ты вызывал меня в последний раз. Я что, должен являться по твоему первому зову в любое мгновение дня и ночи? Имею я право на личную жизнь?

У меня не было иного выбора, кроме как попытаться его умиротворить.

— Прошу тебя, о Координатор Вселенной. Нет в космосе силы, способной на то, на что способен ты. Будучи лучшим из лучших, ты должен ожидать, что к тебе могут обратиться за помощью.

— Что ж, в общем верно, — нехотя согласился Азазел. — Но что, во имя джугуволена, ты хочешь сейчас?

Он уже успокоился в достаточной степени для того, чтобы извиниться, едва произнеся непристойное слово. Я не знал, что оно означает, но, судя по тому, что его хвост на мгновение стал голубым, оно было действительно крепким.

Я объяснил ему ситуацию, в которой оказался бедняга Сквернослов.

— И ты говоришь, он был твоим соучеником? Ах, школьные времена! Помню старого препода, который у нас когда-то был, мерзкого грумчлика, который должен был учить нас нейрорегулятометрии, но все свободное время пил фосфоамитол и являлся на занятия не в состоянии говорить, не то что преподавать.

— У меня тоже был мерзкий грумчлик, о Повелитель Бесконечности. Собственно, даже несколько.

— Бедный парень, — сказал Азазел, вытирая свои крошечные глазки. — Что ж, что-нибудь придумаем. Есть у тебя что-нибудь, ему принадлежащее?

— Да, — ответил я. — Мне удалось отцепить университетский значок с его лацкана.

— Ага. Само собой, бесполезно пытаться повлиять на разум бесчувственных и толстокожих работников изумительной фирмы, где он имеет

счастье работать. Вместо этого я подправлю мозги твоего друга, чтобы против его мнения никто не мог устоять.

— Возможно ли это? — довольно глупо спросил я.

— Смотри и увидишь, о убогое порождение вонючей планетки, — ответил он.

Я посмотрел — и увидел.

Не успело пройти и двух недель, как Сквернослов появился в моем скромном жилище, и лицо его расплывалось в широкой улыбке.

— Джордж, — сказал он, — похоже, мне повезло, что я тогда встретил тебя в баре, поскольку все внезапно переменилось, и мне можно больше не опасаться увольнения. Вряд ли дело в нашем с тобой разговоре, ибо, насколько я помню, ты вообще не сказал ничего разумного, так что, вероятно, я просто подсознательно сравнивал себя с тобой. Вот я, энергичный и влиятельный вице-президент, и вот ты, лодырь-попрошайка, — нисколько не хочу тебя обидеть, Джордж, — и контраст между нами оказался таков, что я просто пошел и тут же решил проблему.

Не стану отрицать, что меня слова его поразили, но он тут же продолжил, даже не заметив, насколько я был поражен:

— Весь коллектив фирмы каждое утро в восемь пятьдесят поет «Всегда вперед, “Х & М”» с беспримерным энтузиазмом. Тебе надо видеть, Джордж, с какой энергией и задором они идут в поход на врага. Как только у меня будут знамена с лилиями, они будут с таким же энтузиазмом размахивать ими.

Мы будем устраивать парады. Все будут носить униформу «Х & М», с нашивками «Х & М» разного цвета и дизайна, означающими занимаемую должность. Мы пройдем по главной улице до городской площади, распевая песни — я написал еще две.

— Еще две, — повторил я, несколько ошарашенный его смелостью.

— Да, — кивнул он, — одну для Хламма и одну для Муссора. Та, которая для Хламма, начинается так:

Да здравствует наш Моррис Ю. Хламм!
Плохо пришлось без него бы нам.
Смотрите, как он улыбается мило
Своею улыбкою крокодила.

— Крокодила? Подходящее ли это слово?

— Конечно. Его давно уже любовно прозвали Старым Крокодилом, и он этим гордится.

— Что насчет Муссора?

— Она начинается так:

О, кого же мы любим? Кого обожаем?
Это, конечно же, Чарльз Ф. М.
Мы безгранично его уважаем,
Ему бесконечно обязаны всем!

— Проблема в том, — сказал Сквернослов, — что «Муссор» сложно с чем-либо срифмовать. Единственное, что я хоть как-то мог придумать, — «капуста», которой от него постоянно пахнет, но не думаю, что это разумно. Так что я просто оставил от его фамилии только инициал. Изобретательно, как полагаешь?

— Полагаю, это можно так назвать, — с сомнением ответил я.

— В общем, у меня больше нет времени на разговоры, Джордж. Я просто хотел сообщить тебе новости. А теперь мне нужно возвращаться и организовать ритуальный танец после пятичасового звонка, выражающий великую радость, которую испытывает каждый сотрудник, проработавший весь день на «Х & М».

— Но, Сквернослов, ты хочешь сказать, что сотрудники больше не заинтересованы в повышении зарплат и прочем?

— Больше об этом даже слова не услышишь. Теперь работа для них — радость и развлечение. А моя работа — обеспечить, чтобы каждое мгновение каждого дня было наполнено корпоративным энтузиазмом. Уверен, что скоро меня сделают одним из партнеров в фирме.

И так оно и случилось, старик. «Х & М» стала средоточием всеобщего веселья и радости. О ней писали в «Форчун», «Тайм» и «Корпорэйшенс иллюстрэйтед». В последнем случае лицо Сквернослова даже появилось на обложке.

Вот и вся история, старик.

— Вся история? — изумленно переспросил я. — Но она же со счастливым концом. Почему же она вас так расстроила, когда зашел разговор о возможном устройстве на работу?

Джордж поднялся со скамейки.

— Я случайно упустил небольшую мелочь в конце, старина. Сквернослов добился громкого успеха. Вы даже не можете себе представить, насколько громкого. Но не «Х & М». Собственно говоря, она обанкротилась.

— Обанкротилась? Почему?

— Всем было настолько весело и все столько времени посвящали пению, парадам и расхаживанию в униформе, что никто, похоже, больше не

занимался своим делом, и фирма в конце концов рухнула.

— Плохо.

— Да. Бедняга Сквернослов — наглядная иллюстрация того, насколько может быть переменчива жизнь в бизнесе. Хоть он и достиг невероятного успеха — сделали ли его партнером в фирме? Нет. Его должность попросту перестала существовать, и с тех пор он безработный. И вы меня еще спрашиваете, думал ли я когда-либо о том, чтобы пойти работать? Зачем? Чтобы потерпеть неудачу, даже добившись успеха? Никогда! Да что там говорить — всего лишь на прошлой неделе Сквернослов просил меня одолжить ему пять долларов, а я не смог. Конечно, старина, если бы вы дали мне десять, я смог бы дать ему половину, и вы убили бы двух зайцев одним выстрелом.

— Полагаю, — сказал я, протягивая ему десятку, — не стоит дожидаться, когда мне по-настоящему захочется убить вас двоих.

Джордж пренебрежительно посмотрел на десятидолларовый банкнот.

— Что ж, своей любезностью нас вы точно не убьете.

— Погодите, Джордж! — крикнул я, когда он уже пошел прочь. — Чем, собственно, занималась

«X & M»?

— Этого я так и не выяснил, — крикнул в ответ Джордж. — Так же как и мой приятель Сквернослов.